

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

из которой вы узнаете о том, как Сунь У-кун усмирил волшебника Пещеры облаков и как Сюань-цзан на горе Будды познал сутру о моральном и телесном очищении

Итак, волшебник, превратившись в луч света, умчался, а Великий Мудрец на радуге пустился в погоню за ним. Вдруг перед ними, словно из-под земли, выросла гора. В тот же миг волшебник, превратившись в большой красный луч, принял свой настоящий облик, ринулся в пещеру и, схватив там грабли с девятью зубьями, выбежал, готовый к бою.

— Ах ты низкая тварь! — заорал Сунь У-кун. — Откуда ты взялся? И каким образом узнал, кто я такой? Ну, показывай, на что ты способен, тогда я пощажу тебя.

— Даже тебе неизвестно, на что я способен! — отвечал волшебник. — Иди-ка сюда, держись крепче и слушай, что я тебе скажу.

Я с малых лет был по натуре грубым,
В невежестве не чувствовал стыда,
И более всего мне было любо
Укрыться от постылого труда.
Себя улучшить я и не пытался,
И жажда истин не владела мной, —
Потокам грез неясных отдавался
Под солнцем — днем, а ночью — под луной.
Но вот однажды, предаваясь лени,
Я праведного мужа повстречал,
И он, радея о моем спасенье,
Меня в беседах долгих поучал.
Он к чистой жизни звал искать дорогу,
Остерегал — не падать в бездну зла
Ведь те, кто посвящает жизнь пороку, —
Вершат грехи, которым нет числа!
Как небо ни гневи, а неизбежно
Приходит смерть — и ты познаешь страх.

Но думать будет поздно, безнадежно
О трех путях и о восьми концах.
В словах священных мощь была такая,
Что я с себя стряхнул мирскую грязь,
И стал трудиться, искренне раскаясь,
К Познанию вечной тайны устремясь.
Любви к учителю я преисполнен!—
Нет. Гнев его мне не принес вреда:
Он отвратил меня от Преисподней
И указал небесные врата.
И познавал я «девять превращений»
И эликсир бессмертья получал,
Охваченный неистощимым рвением,
Над книгами склоняясь по ночам...
Меня туманы в небе окружили
Сияющей цветною пеленой,
Наполнились здоровой силой жилы —
И вход в чертог открылся предо мной.
Там был устроен лучезарный праздник
В честь моего прихода,— и вокруг
Бессмертные расселись, сообразно
Ступеням рангов и былых заслуг.
Я оказался равен им по чину —
И подошла Небесная река,
Чтоб опуститься мог в ее пучины
И в бой водить подводные войска!
Когда уж безупречным все казалось,
Царицы день рожденья наступил,—

И в заводях Нефритового зала
Толпа придворных собралась на пир.
Но там вино мой разум одолело
И пробудило мой свирепый нрав...
Я все громил направо и налево,
Я буйствовал, рассудок потеряв.
Я в тот дворец, где крылся холод вечный,
Посмел ворваться в ярости слепой...
Небесных фей я видел рой беспечный,
Был окружен их шумною толпой.
Едва я очутился вместе с ними,
Как сердце охватил любовный пыл:
Не совладав с желаньями земными,
Я дерзко и бесстыдно поступил.
Запретное казалось мне возможным...
Не ведая, где чистота, где грех,
Чан Э я выбрал из толпы наложниц.
Схватил и обнял на виду у всех.
Я долго умолял ее, но тщетно!
И, все сбивая на своем пути,
Я стал метаться в страсти безответной,
Не в силах утешенье обрести.
Я так тогда разбушевался дико,
Что потерял и выход из палат,
И получил Нефритовый владыка
Об этом от чиновника доклад.
Такой осадой был дворец обложен,
Что ускользнуть не мог бы ветерок...

Вот так поступок мой неосторожный
Меня на гибель верную обрек!
Я крепко схвачен был волшебной стражей,
Но продолжало действовать вино,—
И предстоящий суд мне не был страшен,
Что ждет меня,— мне было все равно.
Предстал я на допросе перед троном,
Охраной огражден со всех сторон,—
И тут же, в соответствии с законом,
К жестокой казни был приговорен.
И ждал я смерти, ужасом объятый...
Но вдруг придворных дрогнули ряды,—
И вышел неожиданный ходатай:
Дух милосердный Золотой звезды.
Его слова не прозвучали даром
И жизнь мою ничтожную спасли,
Но молотом две тысячи ударов
Мне палачи по телу нанесли.
С костями перебитыми, без кожи,
В мученьях я познал вину свою,
И сброшен был в поместье у подножья
Горы Фулинь, — и превращен в свинью...
Преступника молва не пощадила,
И, зная жизнь мою, не мудрено
Понять, за что мне «Жесткая щетина»
В округе было прозвище дано!

— Так ты, оказывается, дух неба, Повелитель небесных водных сил, изгнанный на землю,—
промолвил Сунь У-кун.— Тогда нет ничего удивительного в том, что тебе известно мое имя.

— Ишь ты, сумасбродный конюх,— воскликнул волшебник.— Сколько духов пострадало, когда ты учинил на небе дебош. А теперь ты явился сюда, чтобы обманывать людей! Хватит безобразничать! Отведай-ка моих грабель!

Сунь У-кун не в силах был снести подобного оскорбления, взмахнул посохом и ринулся на своего противника. И вот на склоне горы между ними завязался бой.

Бой начался во вторую ночную стражу и продолжался до самого рассвета. Наконец волшебник почувствовал, что теряет силы, превратился в ветер и скрылся в пещере, крепко заперев ворота. Осмотрев пещеру, Сунь У-кун обнаружил плиту с надписью: «Пещера облаков». Увидев, что уже совсем рассвело, а чудовище все не появляется, Сунь У-кун подумал: «Ведь учитель ждет меня. Пойду-ка я к нему, а потом вернусь и изловлю чудовище».

На облаках он быстро вернулся в Гаолаочжуан. А надо вам сказать, что Сюань-цзан всю ночь провел в беседе со старцами, толкуя о старине, а также о современных делах и даже не сомкнул глаз. И не успел он подумать, что Сунь У-кун долго не возвращается, как, выглянув во двор, увидел его. Спрятав посох, Сунь У-кун поправил на себе одежду и вошел в помещение.

— Я здесь, учитель!

Старцы поспешили подняться и почтительно склонились перед ним.

— Много пришлось вам потрудиться! — промолвили они.

— Ты пропадал всю ночь,— сказал Сюань-цзан.— Удалось тебе поймать волшебника?

— Учитель,— отвечал Сунь У-кун,— этот волшебник не простой оборотень и не какое-нибудь горное чудовище. Он изгнанный с неба Повелитель водных сил. По ошибке он был зачат не в той утробе, поэтому лицо его и похоже на свиную морду. А свою духовную сущность он не утратил. Он сказал, что фамилию и имя ему дали соответственно его наружности и потому называют Чжу Хан-ле — Свинья-Жесткая щетина. Я выманил его из пещеры и вступил с ним в бой, однако он превратился в ветер и улетел прочь. А когда я посохом ударил по ветру, он превратился в золотистый луч и скрылся в пещере своей горы. Там он схватил грабли с девятью зубьями и бился со мной всю ночь. Однако на рассвете волшебник струсил, бежал с поля боя и заперся в своей пещере. Я хотел было высадить дверь и схватиться с этим чудовищем не на жизнь, а на смерть, но вспомнил, что вы, учитель, будете беспокоиться, и решил вернуться сюда, рассказать вам, как обстоят дела.

Когда он кончил свой рассказ, старый Гао подошел к нему и, опустившись на колени, взмолился:

— Почтенный отец! Что же теперь будет? Как только вы уйдете, это чудовище снова вернется сюда. Умоляю вас довести дело до конца, вырвать зло с корнем, чтобы после не случилось какой-нибудь беды. Сделайте для меня такую милость, а я отблагодарю вас по заслугам. В

присутствии всех моих родственников я составлю бумагу о том, что половину всей земли и имущества отдаю вам. Только уж, пожалуйста, вырвите вредную траву с корнем, чтобы дом наш мог пребывать в спокойствии и мире.

— Мне кажется, что вы немного преувеличиваете, почтенный Гао,— сказал смеясь Сунь У-кун.— Волшебник сам сказал мне, что аппетит у него действительно велик, однако и работает он на вас усердно. Благодаря его стараниям вы за эти годы приумножили свои богатства. Так что он не зря ест ваш хлеб. Почему же вы непременно хотите выгнать его? Он — небесное божество, изгнанное на землю, он помогает вам вести хозяйство и, как мне кажется, не причинил никакого вреда вашей дочери. По-моему, такой зять очень ценный в доме человек и никак не может запятнать честь вашей семьи, опозорить вас. Я считаю, что вы должны оставить его у себя в доме.

— Дорогой отец,— сказал на это старый Гао.— Пусть все это верно, однако слава о нем идет дурная. Мне постоянно приходится слышать разговоры о том, что старый Гао взял в зятья чудовище. Как вы думаете, приятно это?

— Раз уж ты начал это дело,— вмешался тут Сюань-цзан,— то надо довести его до конца.

— Да я просто пошутил,— сказал Сунь У-кун,— хотел послушать, что он будет говорить. На этот раз я непременно изловлю это чудовище и приведу сюда. Так что можете ни о чем не беспокоиться. А теперь, почтенный Гао, позаботьтесь как следует о моем учителе, а я отправлюсь! — закончил Сунь У-кун.

С этими словами он исчез. Одним прыжком Сунь У-кун очутился у горы и, подойдя к пещере, ударом посоха разнес ворота.

— Эй ты! — громко крикнул он.— Прожорливый дурень! Мешок с мякиной! Живо выходи! Померяемся с тобой силами! Волшебник в это время спал, сладко похрапывая. Шум и ругань разбудили его. Он в бешенстве схватил свои грабли и, на- бравшись духу, выбежал из пещеры, пронзительно крича:

— Ах ты проклятый монах! С тобой бед не оберешься! Почему ты разбил мои ворота? Что я тебе сделал?! Почитай законы и узнаешь, что за насильственное вторжение в чужой дом виновный карается смертной казнью!

— Да ты, видно, настоящий дурень! — сказал смеясь Сунь У-кун.— Если я и разбил твои ворота, так не зря: были на то причины. Не забывай, что ты силой захватил чужую девушку и без всяких полагающихся в таких случаях церемоний жил с ней. Известно ли тебе, что за такие вещи полагается смертная казнь?!

— Да что с тобой разговаривать! — крикнул волшебник.— Отведай-ка лучше мои грабли!

— Ведь этими самыми граблями ты работал на поле почтенного Гао,— сказал Сунь У-кун, без

труда отражая удар. — Так неужели ты думаешь, что я испугаюсь тебя?

— Ну, если ты считаешь, что это обыкновенные грабли, то ошибаешься! — воскликнул волшебник.— Послушай, что я тебе о них расскажу:

Их твердостью могучей обеспечил.

Надежно закалив, священный лед.

С клещами Лао-цзюнь сидел у печи,

Шуруя уголь, ночи напролет.

Волшбой отполированы на славу,

Пылают зубья в солнечных лучах,—

Недаром уголь дух Звезды Кровавой

Подбрасывал в пылающий очаг.

Пять полководцев, не боясь усилий,

Раскрыли мудрой тактики секрет,

И знание сокровенное вносили

В работу боги всех пяти планет!

Старались духи тьмы и света дружно,

И труд был завершен в конце концов,

Вот девять зубьев светятся жемчужных,

И с золотыми листьями кольцо.

И небо грабли достают и землю,—

Безмерно протяженные в длину,—

Начало Инь с началом Ян объемлют

И разделяют солнце и луну.

И шесть двойных волшебных начертаний

Порядку в небесах помочь должны,

А чтобы звезды верно сочетались,—

Триграммы ба-гуа нанесены.

Их высшей драгоценностью недаром
Назвали, ибо нет для них преград,
От мастеров их получив в подарок,
Правитель неба был безмерно рад!
Я улучшал себя и стал бессмертным
И заработал полководца чин,—
Сам император в милости безмерной
С почетом эти грабли мне вручил.
Поднимешь их — полно сияньем небо,
Опустишь их — завоеет ураган,
И, урожай суля, сугробы снега
Укроют землю, к радости крестьян!
Самим бессмертным силы их опасны,
Владыка ада ощущает дрожь...
А отчего их нет у смертных — ясно:
Где на земле металл такой найдешь?
Свой облик изменять они способны,
И заклинанья слушаясь,— как вихрь,
Они взметнутся в небеса и сотни
Покажут упражнений боевых!
Расстаться с ними ни на миг не в силах,
Их ствол резной сжимаю я во сне,
На Персиковый пир я захватил их,
И были во дворце они при мне.
Но, опьянев и став не в меру пылким,
Я оскорбил святые небеса,
И на земле я очутился в ссылке,
И здесь скорблю, возмездие неся;

Став духом-людоедом, злым и гневным,
Ташу в пещеру путников с дорог,
И оттого приятно мне в деревне
Прожить хотя бы и недолгий срок.
Да, грабли эти — славное оружие!
Им тигров и волков легко убить,
Они драконов могут обнаружить
В их логове, во тьме морских глубин.
С той дивной остротой и мощью грозной
Я побеждаю в споре боевом,
Хотя бы ты был весь из стали создан,—
Один удар — и дух из тела вон!

— Брось молоть чепуху, Дурень! — выслушав его, отвечал Сунь У-кун, опуская посох.— Я готов подставить тебе свою голову. Попробуй ударь по ней и сам увидишь, улетит у меня душа или нет.

Тут волшебник взмахнул граблями и что было силы хватил ими Сунь У-куна по голове. Раздался страшный треск, от граблей полетели искры, но на голове у Сунь У-куна не осталось даже царапины. У волшебника от страха опустились руки и ноги подкосились.

— Вот так штука! Что за голова! — изумленно воскликнул он. — Ты меня еще не знаешь! — продолжал Сунь У-кун.— Когда я учинил дебош в небесных чертогах и выкрал эликсир бессмертия, утащил персики бессмертия и унес вино небесного императора, бессмертный Эрлан захватил меня и доставил во дворец Духа звезды Южной Медведицы. Все небесное воинство рубило меня топорами, мечами и саблями, колотило молотками, на меня напускали гром и молнию, но все напрасно — я остался невредим. После этого меня забрал с собой святейший Лао-цзюнь, он поместил меня в свою волшебную печь и поджаривал на священном огне. Глаза мои стали огненными, голова — медной, а руки — железными. Если не веришь, бей еще, посмотришь будет ли мне больно.

— Я помню, что до того, как ты учинил дебош на небе, ты проживал в Пещере водного занавеса на Горе цветов и плодов, в странеАолайго.Однако потом я о тебе ничего больше не слышал. Какими же судьбами ты очутился здесь и почему решил напасть на меня? Уж не мои ли тесть пригласил тебя?

— Нет, твой тесть тут ни при чем,— отвечал Сунь У-кун.— Я вступил на путь Истины, отрешился от даосизма и стал монахом. Мой учитель, почтенный Сюань-цзан, названный брат

Танского императора, следует сейчас в Индию поклониться Будде и попросить у него священные книги. Я охраняю его. Прибыв в деревню Гаолаочжуан, мы разговорились со старым Гао и вот тогда-то он и попросил нас спасти его дочь и изловить тебя, грязное животное!

Тут волшебник отбросил свои вилы и, громко приветствуя Сунь У-куна, воскликнул:

— А где же сейчас этот паломник, который идет за книгами? Очень прошу вас представить меня ему.

— А для чего он тебе понадобился? — спросил Сунь У-кун. — По правде говоря,— промолвил волшебник,— я живу здесь по повелению бодисатвы Гуаньинь, которая призвала меня стать на путь Истины, питаться только растительной пищей и ожидать здесь прибытия паломника в Индию, к Будде за священными книгами. За это она обещала мне прощение. И вот я живу здесь уже несколько лет, но так ничего и не слышал о паломнике. Почему же ты, его ученик, сразу не сказал мне, что вы идете за священными книгами, а решил действовать силой, врывать в мой дом и вступать со мной в драку?!

— Ты только не хитри и не вздумай улизнуть от меня! — предупредил волшебника Сунь У-кун.— Поклянись перед небом, что ты действительно желаешь охранять Танского паломника, тогда я сведу тебя к моему учителю.

Тут волшебник упал на колени, поднял глаза к небу и, отбивая земные поклоны, воскликнул:

— О милостивый Амитофо! Тебя я призываю в свидетели! Если я солгал, пусть меня сочтут преступником и разрежут на мелкие части!

— Ну, в таком случае неси огонь,— приказал Сунь У-кун,— и спали свое жилье, тогда я отведу тебя к своему учителю. Волшебник вмиг натаскал соломы и хвороста, раздобыл огня и поджег. Вскоре от Пещеры облаков остались одни развалины и она стала похожа на заброшенную гончарную печь.

— Ну, теперь я свободен. Веди меня к учителю! — сказал волшебник.

— Отдай раньше грабли,— потребовал Сунь У-кун. Волшебник повиновался. Тогда Сунь У-кун выдернул у себя пучок шерсти и, дунув на нее, крикнул:

— Изменись!

Шерсть тотчас же превратилась в веревку. Сунь У-кун подошел к волшебнику, скрутил ему руки назад и крепко-накрепко связал. Волшебник не оказал никакого сопротивления. Затем Сунь У-кун схватил его за ухо и потащил за собой, приговаривая:

— Ну, живее иди! Пошевеливайся!

— Да ты полегче! — взмолился волшебник. — У тебя такая тяжелая рука, что у меня уши трещат от боли.

— Полегче нельзя! — отвечал Сунь У-кун. — А то мне за тобой недоглядеть! Ведь не зря говорит пословица: «Дело будет вернее, если даже самую смирную свинью крепче держать за ухо». Вот погоди, придем к учителю, выяснится, что ты говоришь правду, тогда я отпущу тебя!

На облаках и туманах они отправились прямо в деревню Гаолаочжуан.

Очень быстро они достигли деревни. Одной рукой держа грабли, а другой таща за ухо своего пленника, Сунь У-кун сказал:

— Видишь, вон сидит человек? Это и есть мой учитель!

Между тем семья Гао, все родственники и старик Гао, увидев, что Сунь У-кун тащит волшебника за ухо, вышли им навстречу.

— Почтенный учитель! Дорогой учитель! — воскликнули они. — Да, это действительно наш зять!

Тут волшебник выступил вперед и как был со связанными за спиной руками повалился перец Сюань-цзаном на колени.

— Учитель, твой ученик рад приветствовать тебя! — промолвил он. — Если бы я раньше узнал о том, что вы пожаловали в дом моего тестя, то давно бы пришел приветствовать вас и не допустил бы никаких неприятностей.

— Что все это значит? — спросил Сюань-цзан, обращаясь к Сунь У-куну. — Тебе, оказывается, не только удалось усмирить это чудовище, но оно даже пришло приветствовать меня?

Тогда Сунь У-кун отпустил своего пленника и, ударив его палкой, крикнул:

— Ну, Дурень! Рассказывай!

Тут волшебник подробно рассказал о том, что бодисатва Гуаньинь уговорила его встать на путь Истины. Выслушав его, Сюань-цзан пришел в восторг:

— Почтенный Гао, — сказал он. — Принесите, пожалуйста, столик для жертвоприношений.

Гао тотчас же выполнил его приказание. А Сюань-цзан, вымыв руки и обратившись лицом к югу, возжег благовония и вознес молитву.

— О великая бодисатва! — говорил он. — Благодарю тебя за твои бесконечные милости!

Старцы молились вместе с ним. Окончив молитву, Сюань-цзан вошел в дом и сел на возвышение. Затем он приказал Сунь У-куну развязать волшебника. Сунь У-кун встряхнулся, и веревки тотчас же превратились в шерсть, а волшебник был освобожден. Он склонился перед Сюань-цзаном и выразил желание сопровождать его в пути. Затем он поклонился Сунь У-куну, просил считать его своим братом и сказал, что будет называть Сунь У-куна «Брат-учитель».

— Ну, раз ты решил встать на путь добродетели и следовать за мной, то я должен дать тебе монашеское имя, так будет удобнее.

— Учитель! — отвечал волшебник. — Я уже получил посвящение от бодисатвы, она дала мне имя Чжу У-нэн.

— Ну, вот и замечательно! — обрадовался Сюань-цзан. — Имя твоего старшего брата — У-кун, а твое будет — У-нэн. — Эти имена как раз соответствуют тем, которые приняты в нашей секте.

— Учитель, — сказал тогда У-нэн. — Бодисатва не разрешила мне есть мясного и скоромного. Живя в доме моего тестя, я ни разу не нарушил этого запрета. Но теперь, учитель, я прошу вас снять его с меня.

— Ни в коем случае, — запротестовал Сюань-цзан. — Раз ты не ешь ничего мясного и скоромного, то я дам тебе другое имя, отныне ты будешь называться Ба-цзе.

— Я готов выполнить все ваши приказания! — радостно воскликнул Дурень. С этого времени его стали называть Чжу Ба-цзе.

То, что чудовище было поставлено на путь Истины, доставило еще большее удовольствие старому Гао. Он был очень благодарен Танскому монаху и приказал устроить в честь его пир. Между тем Чжу Ба-цзе выступил вперед и, взяв за руку старого Гао, сказал:

— Отец! Ты бы позвал жену, пусть поклонится учителю и брату!

— Дорогой брат! — рассмеялся Сунь У-кун. — Раз уж ты принял посвящение и стал монахом, то теперь не должен даже вспоминать о том, что у тебя есть жена. Среди даосов еще встречаются женатые монахи, но среди буддистов никогда. А сейчас рассаживайтесь и давайте есть. Нам надо поскорее отправляться в путь.

Стол уже был накрыт, и старый Гао предложил Сюань-цзану занять почетное место. По обе стороны от Сюань-цзана он усадил Сунь У-куна и Чжу Ба-цзе. Затем хозяин налил бокал

некрепленого вина, принес его в жертву в честь неба и лишь после этого преподнес вино Сюань-цзану.

— Должен откровенно признаться вам,— промолвил Сюань-цзан,— что за всю свою жизнь я никогда не ел мясного и не потреблял вина.

— Зная, что вы не вкушаете ничего скоромного,— отвечал хозяин,— я приготовил вам исключительно постную пищу. Вино это тоже можно сказать постное, поэтому я думаю, что вы можете выпить чашечку.

— Нет, этого я никак не могу сделать,— наотрез отказался Сюань-цзан.— Первая заповедь у нас, монахов, это не пить вина.

— Учитель! — забеспокоился Чжу Ба-цзе. — Я хоть и ел только постную пищу, но от вина никогда не отказывался.

— Ну, я не очень люблю, больше фляги не пью, однако не откажусь,— вставил тут свое слово Сунь У-кун.

— Ну вот вы вдвоем и выпейте,— сказал Сюань-цзан.— Только смотрите не напивайтесь и чтобы никаких недоразумений не было.

После этого Сунь У-куну и Чжу Ба-цзе преподнесли кубки с вином. Остальные расселись за столом в соответствии с возрастом и положением. Каких только яств здесь не было! Столы ломились от изобилия.

После того как пир был закончен, старый Гао вынес на красном лакированном блюде двести лян серебра и преподнес их Сюань-цзану и его ученикам на дорожные расходы. Кроме того, он хотел подарить им три шелковых халата.

— Мы, странствующие монахи, живем на подаяние, которое собираем в селениях, попадающих на пути,— сказал Сюань-цзан,— как же можем мы принять от вас деньги и ценные подарки?

Но в этот момент вперед выступил Сунь У-кун. Схватив деньги и обращаясь к слуге, он крикнул:

— Гао Цай! Вчера мы заставили тебя проводить нас с учителем сюда, а сегодня у нас появился еще ученик. Нам нечем отблагодарить тебя, так возьми себе эти деньги. Купи соломенные туфли. А если когда-нибудь у вас снова появятся волшебники, можешь обратиться ко мне, и я смогу лучше отблагодарить тебя. Гао Цай взял деньги и низко поклонился.

— Раз вы не хотите брать денег,— сказал тогда старый Гао,— то примите это грубое платье —

скромный дар в знак моей глубокой признательности.

— Если мы, монахи, примем в дар хотя бы одну нитку, для нас навсегда будет закрыт путь к спасению,— отвечал Сюань-цзан.— Мы будем очень довольны, если вы дадите нам на дорогу немного оставшихся от угощения лепешек и фруктов.

— Уважаемый учитель и вы, старший брат,— вмешался в разговор Чжу Ба-цзе.— Не скромничайте. Сколько лет я работал в доме моего тестя. Если заплатить за это одними только продуктами, то это будет не меньше трех даней. Дорогой тесть,— обратился он к старому Гао,— старший брат в схватке изорвал вчера мой халат, дай мне, пожалуйста, новую рясу из черного шелка. Да и туфли у меня прохудились, так что заодно дай мне пару новых туфель.

Старый Гао не мог ему отказать в этой просьбе. Он тотчас же послал купить туфли и вместе с халатом преподнес Чжу Ба-цзе. Чжу Ба-цзе надел все новое, степенно подошел к тестю и, почтительно обращаясь к нему, сказал:

— Прошу вас передать уважаемым теще, невестке, деверям и всем моим родственникам, что сегодня я стал монахом, и попросите их извинить меня за то, что не успел попрощаться с ними лично. А тебя, дорогой тесть, я прошу не обижать тут мою жену. Кто знает, может быть, нам и не удастся достать священные книги, тогда я вернусь в мир и снова стану вашим зятем.

— Не болтай глупостей, дубина ты этакая! — крикнул Сунь У-кун.

— Это вовсе не глупости,— возразил Чжу Ба-цзе.— Я хочу лишь сказать, что все может случиться. Это, конечно, не значит, что я буду выполнять свой долг недобросовестно. Но если ничего не выйдет, я вдвойне проиграю.

— Нечего зря болтать! — сказал Сюань-цзан.— Пора трогаться в путь!

Они быстро собрали вещи, Чжу Ба-цзе взял узел, Сюань-цзан сел верхом на коня, а Сунь У-кун с посохом через плечо пошел вперед. Распростившись со старым Гао и всеми его родственниками, они двинулись на Запад.

Дым очагов над соснами клубился,

Был темным лес, и пламенел закат,

Все дальше уходил монах на Запад,

И было много на пути преград!

Питался подаяннями прохожих,

И в непогоду крова не имел,

В лохмотьях жалких шел монах на Запад,

Он был настойчив, терпелив и смел.

...Гони соблазны, подражай монаху —

И отрешись от суеты мирской,

Учеником святого Будды будет,

Кто в созерцанье обретет покой!

Целый месяц шли они втроем без всяких приключений. И вот однажды, пересекая границу Тибета, они увидели впереди высокую гору.

— Надо быть осторожнее, впереди гора,— сказал Сюань-цзан, остановив коня.

— Пустяки! — ответил Чжу Ба-цзе.— Это гора Футушань — гора Будды. На ней живет монах по прозвищу Отшельник Во-ронье гнездо, который занимается самоусовершенствованием. Мне приходилось с ним раньше встречаться.

— А что он за человек? — спросил Сюань-цзан.

— Это человек высокой добродетели,— сказал Чжу Ба-цзе.— Он предлагал мне тоже заняться самоусовершенствованием, но я отказался.

Беседуя, они незаметно добрались до горы. Это была чудесная гора.

На юге — зелень темная сосны

И бирюза изящная акаций,

А птицы в густоте ветвей лесных

Не устают с утра перекликаться.

На севере — склонились ветви ив,

И персиков плоды налиты соком,

Попрыгав, крылья пестрые раскрыв,

Исчезли журавли в пути высоком

Сейчас — цветенья дивная пора,

Весь мир насыщен тонким ароматом,

И травы ярче лучшего ковра

Разнообразием цветов богатым.

Ручьи в ущельях весело журчат

И вниз со скал кидаются бросками,

И контур белых облаков курчав

Над черными могучими хребтами.

Поистине прекрасен этот вид!

Взгляни — и миг исчезнут все тревоги...

Что ж путник ни один не оживит

Петляющей ущельями дороги?

Сидя на коне, Сюань-цзан увидел впереди под душистой акацией соломенную хижину. По одну сторону хижины разгуливали олени, держа в зубах цветы. По другую сторону — горные обезьяны несли куда-то фрукты. На верхушках деревьев пестрокрылые фениксы распевали песни. Священные журавли и золотистые птицы собирались стаями.

— А вот и сам отшельник У-чао,— сказал Чжу Ба-цзе, указывая вперед.

Сюань-цзан подстегнул коня и подъехал к дереву. Между тем, заметив приближающихся путников, отшельник поспешил спрыгнуть с дерева. Сюань-цзан сошел с коня и почтительно склонился перед ним. Поддерживая Сюань-цзана под руку и помогая ему подняться, отшельник промолвил:

— Прошу вас, святой монах, встаньте. Простите, что не встретил вас раньше.

— Примите, почтенный отец, также и мои поклоны,— сказал тут Чжу Ба-цзе.

— О, да это Чжу Ган-ле, с горы Фулиншань! — изумленно воскликнул отшельник.— Как же ты очутился вместе со святым монахом?

— В позапрошлом году,— отвечал Чжу Ба-цзе,— бодисатва Гуаньинь повелела мне встать на путь добродетели, и вот согласно ее воле я стал учеником этого святого отца и следую за ним.

— Отлично! Замечательно!—воскликнул отшельник.— А это кто такой? — спросил он, указывая на Сунь У-куна.

— Что же это такое, святой отец, его ты узнал, а меня признавать не хочешь? — смеясь спросил Сунь У-кун.

— Видимо, я незнаком с вами,— отвечал монах.

— Это — мой старший ученик Сунь У-кун,— пояснил Сюань-цзан.

— Простите мне мою неучтивость,— с улыбкой извинялся отшельник.

Сюань-цзан еще раз поклонился отшельнику и спросил его, далеко ли до храма Раскатов грома, который расположен в Индии.

— Ох, далеко, далеко! — сказал отшельник.— Дорога туда трудная, много диких зверей.

Сюань-цзан стал просить отшельника поподробнее рассказать о предстоящем пути.

— Путь, конечно, далек,— промолвил отшельник,— но в конце концов вы достигнете цели своего путешествия. Трудно только будет вам бороться с духами. Но я знаю сутру о духовном и телесном совершенстве. В ней всего пятьдесят четыре фразы и семьдесят иероглифов. Как только повстречаете духов, читайте сутру, и они не причинят вам никакого вреда.

Сюань-цзан поклонился монаху до земли и попросил его прочесть сутру. Монах начал читать.

«Сутра о великой мудрости и полном совершенствовании» гласила:

О Гуаньинь, милостивая бодисатва!

Ты углубилась в высочайшую мудрость в деяньях своих.

Всегда тебя озаряет сиянье,

Ты видишь, что форма, чувство, сознание, действие, знание —

Все это лишь пустота.

Ты преодолеваешь все бедствия и все невзгоды,

О, останки нетленные Будды!

Форма — это пустота,

Пустота — это форма,

Но все повторяется снова и снова —

О, останки нетленные Будды!

Они всех Будд воплощение призрачное,

Они не рождаются, не умирают,

Они не грязнятся, не очищаются,
Они не увеличиваются, не уменьшаются,
И поэтому в мире
Нет ни формы, ни чувствования, ни сознания, ни действия.
Нет и пяти корней зла —
Глаз, ушей, носа, языка и тела,
Нет и способов, чтобы иметь представление
О форме, звуке, запахе, вкусе, осязании,
Мир невидимого приводит к миру, где нет
Чувственных желаний и познания
Ясности нет, но нет и полной неясности,
Старости и счерты нет,
Но нет и полноты их отсутствия
Избавленье от страданий, обращение к нирване
Непостижимо и недостижимо.
Недостижимо потому,
Что нужно пройти путь бодисатв десяти ступеней,
На сутру Великого Просветления опираясь,
Душа не встречает трудностей,
А когда затруднения отсутствуют,
Места нет опасениям.
Когда покинешь иллюзии,—
Приблизись этим к нирване,
К трем поколениям Будд.
Опираясь на сутру Великого Просветления,
Ты достигнешь полной и совершенной Мудрости,
Поэтому узнав сутру Великого Просветления,
Ты увидишь, что это и есть заклинание великого духа —

Явное и ясное заклинание!

Высшее заклинание, заклинание, которому нет равного,

Заклинание, которое способно устранить все страдания,

Заклинание истинное и не лживое,

Поэтому произносить сутру Великого Просветления

Это то же, что повторять заклинания:

«О гата, гата! О премудрость! О Великое Просветление!»

Сюань-цзан обладавший необычайными способностями, прослушав сутру всего лишь раз, запомнил ее всю от начала до конца и даже передал ее потомству. Это была главная сутра для самоусовершенствования, путь к превращению в Будду.

Закончив чтение, отшельник сел на облако, чтобы подняться в свое убежище на дереве, но Сюань-цзан удержал его и еще раз попросил рассказать о пути, который им предстояло проделать.

Монах рассмеялся и сказал:

— Если вы будете во всем следовать моим указаниям, то преодолеете все трудности, которые встретятся на пути. Впереди много гор и глубоких рек. Вы будете проходить по гибельным местам, встретите множество духов и оборотней. Может случиться, что вы попадете на край света, но сохраняйте спокойствие и не поддавайтесь страху. Когда достигнете Мо-эр-янь, будьте особенно осторожны. Остерегайтесь леса черных сосен. Там будут вам чинить препятствия оборотни, лисы и другая нечисть. Волшебные существа наполняют города в этом лесу, демоны владычествуют над горами. Управляет лесом черных сосен тигр, волк там главный учетчик. Львы и слоны носят княжеский титул, тигры и барсы служат адъютантами, а дикие свиньи — носильщиками. Там выйдут встречать вас водяные чудовища, и наконец вы увидите старую каменную обезьяну, в которой живут гнев и ненависть. Спросите у них дорогу на Запад, они вам скажут.

Выслушав это, Сунь У-кун ехидно улыбнулся и сказал:

— Пойдемте дальше! Нечего с ним разговаривать. Обо всем этом вы можете узнать от меня.

Сюань-цзан не понял, что хотел сказать Сунь У-кун. Между тем отшельник, превратившись в огненный луч, исчез в своем гнезде. Сюань-цзан в знак благодарности поклонился в том направлении, куда он исчез.

Все это вызвало у Сунь У-куна такой гнев, что он поднял свой посох и стал колотить им по воздуху. В тот же миг цветы лотоса покрылись тысячами бутонов и с неба опустился радужный

туман, окутавший все вокруг. Даже Сунь У-кун, обладающий волшебной силой поворачивать вспять реки и будоражить моря, не мог рассчитывать на то, что ему удастся повредить хотя бы одно растение из гнезда отшельника. Тогда Сюань-цзан взял его за руку и сказал:

— Ведь это же сам бодисатва! А ты хочешь разбить его гнездо! — Он обругал нас с братом, — возмутился Сунь У-кун.

— Откуда ты это взял? — удивился Сюань-цзан. — Он просто объяснял нам дорогу на Запад!

— Где уж вам понять, — сказал Сунь У-кун. — Говоря о диких свиньях, которые таскают тяжести, он имел в виду Чжу Ба-цзе, а упомянув старую каменную обезьяну, обругал меня. Разве могли вы понять скрытый смысл его слов?

— Не гневайтесь, дорогой брат, — вмешался тут Чжу Ба-цзе. — Этому отшельнику известно то, что было, и то, что будет. А вот встретятся ли нам водяные чудовища, о которых он говорил, это еще неизвестно. Поэтому пусть отправляется восвояси.

В этот момент Сунь У-кун увидел, как цветы лотоса радужным туманом обволакивают обиталище отшельника. Тогда он пригласил Сюань-цзана сесть на коня, и они двинулись дальше, на Запад.

Ничто не предвещало счастья.

Их ожидали демоны в горах.

Однако о том, что ждало наших путников впереди, вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/286421>